
8
август 1933 г
МУРЗИЛКА
ОГИЗ МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

МУРЗИЛКА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

ОГИЗ—МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ. ГОД ИЗДАНИЯ ОДИННАДЦАТЫЙ

АВГУСТ 1933 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Обложка Л. ГОЛОВАНОВА

Рукописи и детские рисунки не возвращаются.

Редакция

НЕВКУСНАЯ ВОДА

1. В РАЗБОЙНИКАХ

Маленькое озеро в лесу было чистое и глубокое. Над ним свешивались старые ветлы. Прыгай, плавай, ныряй сколько хочешь!

А Петюня все думал о чем-то. Снял рубашку, обернулся к селу — и так застыл. Ваньку начало злить это.

— Что, испугался уже? Думаешь, придут сюда?

— Нет. Я вспомнил — прошлый раз сколько тут ребят было: полно озеро! Ох, и играли же мы!

— Ну, что же? Зато с мальчишками надо, чтобы как все, так и ты. А мы, брат, теперь, знаешь, как настоящие разбойники: что хотим, то и делаем. Одним в сто раз лучше.

Петюня повеселел немного и полез на ветлу прыгать. В селе зафукала молотилка. Чей-то девчачий голос оттуда закричал:

— Ми-ишка-а! Скорей, а то все уходят!..

— Это они с Анной Ивановной куда-то собрались, — сказал Ванька. — Ну и пускай. Мы, брат, еще получше ихнего...

Петюня долго прислушивался, не закричат ли еще, потом раздумал прыгать. Он осторожно, как старичок, вошел в воду, окунулся два раза и вылез обратно.

— Ты чего это? — изумился Ванька.

— Я не знаю. Неохота стало. Вода нынче какая-то невкусная.

— А ну тебя! Тоже еще в разбойники лезет: не успели притти, уже скис. Ты еще побеги к ним да заплачь: „Товарищи, возьмите меня, никогда больше не буду убегать от вас!“

— Да нет. Я и не думал вовсе, я только... Ваня, пойдем лучше ежевику искать.

Ежевика не поспела. Ягода была кислая и жесткая — в рот не возьмешь... Тогда Ванька предложил:

— Давай, как пастухи в поле, картошку печь. Я все захватил с собой. Ох, и вкусная будет!

Они натаскали сучков, положили в самый низ картошку и стали раздувать костер. Сучки шипели, дымили, выедали глаза. Потом сразу вспыхнули и сожгли всю картошку в угли. Ванька с досады плюнул на костер, а Петюня сказал:

— Нет, должно быть, разбойником не очень хорошо быть.

Ванька вскочил, будто его оса тяпнула за ногу.

— Да что ты все хнычешь? Чего ни делай, все ему плохо. Знал бы, так ни за что не пошел бы с тобой. Ну, пойдем искупаемся, что ли...

— Не хочу я купаться. Лучше пойдем зайчат поищем. Когда они молодые, их руками поймать можно.

2. СВОИ РЕБЯТА

Они исходили уже пол-леса, а день, длинный и жаркий, только еще начался. Зайчат нигде не находилось. В лесу нынче все

было скучное и чужое. Дятел выстукивал свою работу на дереве. Пауки плели свои паутины и ловили в них мух. Коршун плавал низко-низко — высматривал себе поживу на обед. Все были заняты. На Ваньку с Петюней никто не обращал внимания, как будто их и на свете не было.

Вдруг где-то совсем близко послышалась песня, голоса, потом тарахтенье и смех. Петюня встрепенулся и схватил Ваньку за руку.

— Бежим туда!

— Да, они спросят: вы откуда? А мы что им скажем? Давай лучше залезем на дерево и посмотрим.

Они забрались на вершину сучковатого дуба, и перед ними раскрылось широкое поле с ложбиной посредине: точь в точь раскрытая книжка с золотыми буквами и с чудесными картинками.

На левой странице, в самом верху, маленькие люди вершили высокую и стройную, как башня, скирду. Со всех сторон подъезжали возы. Люди игрушечными вилами вскидывали крохотные снопики. А на скирде стоял всего один человек. Он будто не шевелился, а только взглядывал — и снопики ложились, как надо.

Немного ниже ездило пять жнеек. Большие ребята погоняли лошадей. Женщины сзади ловко и быстро вязали снопы.

Правая страница была сплошь забрана золотыми буквами. И только внизу — опять картинка. Тут была всего одна машина, но зато такая, какой ребятам во сне не снилось.

Сбоку у нее были громадные мотовила, а сверху зачем-то большой круглый бок. Пузатый, как жук, трактор катил машину. Мотовила крутились, слизывали широкий ряд колосьев. Дальше ничего нельзя было понять: хлеб куда-то пропадал, словно его проглатывала машина. Только позади летела пережеванная солома.

Вдруг машина остановилась. Тракторист поглядел направо и заорал на все поле:

— Смир-р но-о!

— Смотри-ка, — шепнул Петюня, — наши ребята.

Справа от дороги быстро шла Анна Ивановна, а за ней, как цыплята за клушкой, мальчики и девчата. Они подошли к машине, окружили ее, и Анна Ивановна начала что-то объяснять им. Двое колхозников слезли с машины и тоже стали показывать ребятам. Третий подставил под бок мешок, и оттуда посыпалась пшеница.

Потом колхозники посадили троих ребят с собой, и машина тронулась дальше. Остальные ребята побежали следом.

Они на ходу заглядывали под машину и что-то кричали друг дружке. Петюня смотрел, смотрел и вдруг захлюпал носом.

— Ну, еще чего! — зарычал на него Ванька.

— Да-а! Они-то вон как, а мы... как дураки...

Ваня торопливо начал спускаться вниз.

— Слезай, бежим скорей!

— Куда? К ним я не пойду: стыдно очень.

— Слезай, тебе говорят! На колхозное гумно побежим.

3. ВКУСНАЯ, КАК АРБУЗ.

Минут через десять они прибежали на гумно. Над ним стояла светлая хлебная пыль. Бешено чихал мотор, вертелись белые от пыли ремни, жужжала веялка. Кто-то, черный и страшный, задавал в молотилку хлеб. Четыре человека ножами разрубали свясла и подвигали к нему снопы, а этим четырем кидали снопы с возов.

Женщины откидывали солому, сгребали мякину и подметали ток. Мужчины таскали мешки с зерном, взвешивали их и грузили на подводы. Поодаль навивали огромный омет соломы.

Ванька с Петюней отыскали бригадира и пристали к нему:

— Дядя Федя, можно нам помогать?

— Да что же вы делать-то будете? Нельзя же вам: маленькие вы еще.

— Нет, можно. Мы спрашивались у Анны Ивановны, она сказала — можно. Пожалуйста, дядя Федя, ну, пожалуйста, дай нам чего-нибудь делать. Вот увидишь, как мы будем...

Им дали по паре быков, запряженных в веревочную сетку с кольцом и крючком на концах. Женщины накидывали в сетку ворох мякины, стягивали его, зацепляли крючком, и быки увозили.

Быки были упрямы. Сворачивать их было трудно. Иной раз они все-таки наступали на босую ногу. Тогда из глаз брызгали слезы.

Часа через три черного, страшного человека сменили. Он слез, снял очки и оказался Ваниным отцом.

— А-а, ты вот где! — сказал он, увидев Ваньку. — Ну, молодец! А я, признаться, думал, ты шляешься где-нибудь.

Ванька ударил кнутом правого быка и сердито крикнул:

— Тятя, с дороги! Ну, чего встал? Некогда разговаривать.

Вечером весь народ прямо с гумна отправился на речку отмывать пыль и пот. Ваня с Петюней тоже пошли. Начинало смеркаться. Вода была светлая и гладкая, как нож у косилки. Ребята на ходу скинули одежду и с разбега бултыхнулись вниз головой. Они ныряли, пускали пузыри, плавали на ту сторону. В лесу отдавались их крики и смех.

Уже народ разошелся, уже стало темно, а они все еще никак не могли вылезти из воды. И Петюня все время удивлялся:

— Нет, ты скажи: давеча в лесу вода была невкусная, а теперь—как арбуз, сладкая. Вечером купаться всегда лучше. А, Ваня?

Г. Замчалов

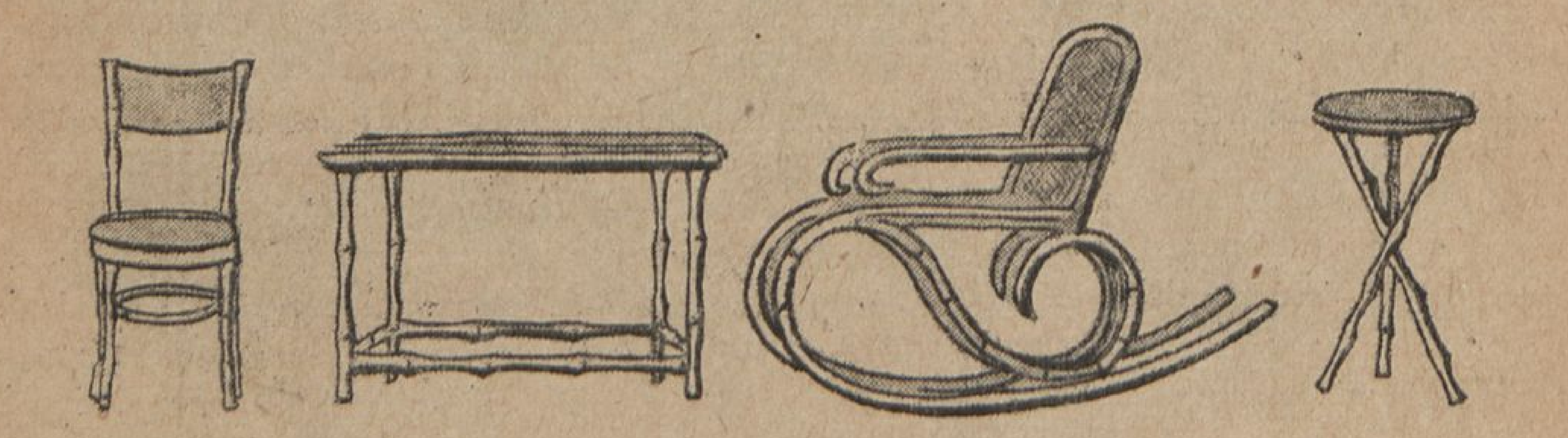
БАМБУК

Там, где ливень хлещет звонко,
там, где солнце горячей,
там, где горною речонкой
раздувается ручей, —
там бамбук высок и строен
выступает легким строем.

А когда топор со стуком
срубит этот легкий ствол,
ствол высокого бамбука
превратится в стул и стол;
будет удочкою тонкой
и свирелью будет звонкой,
будет стройной лыжной палкой,
этажеркой и качалкой.

Запоет в руках флейтиста
нежной флейтой голосистой
и о чаще, где когда-то
флейта деревом росла,
о морской волне мохнатой,
плеске рыбы и весла,
и о солнце, и о ливне,
и о зарослях зеленых...
Все расскажет в переливах,
в пересвистах, в перезвонах.

Е. Тараховская

ОКТЯБРЬСКИЕ МАЛЬЧИКИ

На земле между домами бежала каменная дорожка. По каменной дорожке прыгал веселенький мальчик и пел.

Песня была замечательная, ее можно было петь с начала и с конца — вот так:

Раз, два,
три, четыре,
пять, шесть,
семь, восемь,
девять, десять...

И потом назад:

Девять, восемь,
семь, шесть,
пять, четыре,
три, два,
Раз...

И опять с начала. Очень удобная песня!

Песня никогда не кончалась, а дорожка скоро кончилась, и на самом конце стоял незнакомый кто-то. У него между ногами стоял черный лакированный чемодан, а в руке он держал голубую шапочку.

— Эй, малыш! — закричал он на всю улицу. — Не знаешь ли ты, где здесь живут октябрьские мальчики?

— Какие мальчики?

— Я не знаю, какие они, я их в глаза не видал никогда. Только я ездил по разным странам и собрал для них целый чемодан подарков. Везде, где я был, ко мне приходили ребята, приносили свои подарки и говорили: „Передай это октябрьским мальчикам“. И вот я хожу уже целый час, пот льется с меня дождем, а я не могу найти ни одного октябрьского мальчика.

Веселенький мальчик заторопился и сказал:

— Октябрьский мальчик — это я.

Незнакомый удивился и посмотрел на него со всех сторон.

— По виду ты самый обыкновенный мальчик. А почему ты октябрьский?

— Я родился в октябре, — сказал мальчик. — У меня были октябрины, я уже октябренок, у меня на куртке красная звезда, у меня в руках красный флажок. Я умею маршировать и петь. Вот послушай.

И он запел свою песню и замахал красным флажком.

— Вот, ты видишь — я октябрьский мальчик, поскорее открой чемодан и дай мне подарки.

— Пожалуйста, — сказал незнакомый и открыл свой чемодан.

Ну, а как вы думаете, что было в чемодане?

— Вот это мне дали мальчики в Америке, — говорил незнакомый. — А это — маленькие китайцы, а это — ребята в Италии, а это принес в красном платке барашковый негритенок...

А все это было просто-напросто земля и всякие камешки, только и всего. Как он мог запомнить, какой камешек американский, какая земля китайская, ведь все было одно и то же?

— А на кой мне все это? — сказал веселенький мальчик и даже рассердился. — Что ли, у нас нет своей земли и своих камней? Что с ними делать?

Незнакомый покачал головой и захлопнул свой чемодан.

— Значит, ты не совсем октябрьский мальчик, раз ты не знаешь, что делать с этими подарками. Прощай. — И он надел свою голубую шапочку. А мальчик закричал:

— Я октябрьский, октябрьский! Никаких других октябрьских мальчиков нет.

— Они обязательно должны быть, — сказал незнакомый, — раз их знают ребята на всем свете. Пойду искать их.

— И я с тобой, — сказал веселенький мальчик.

— А что скажет твоя мама?

— Она скажет: „Смотри на светофор: если красный огонь — стой на месте; если зеленый — переходи улицу на перекрестке. Если заблудишься — не бойся, подойди к милиционеру и скажи

ему, как тебя зовут и где ты живешь". А я ничего не боюсь, потому что я все-таки октябрьский мальчик.

И они пошли вдвоем искать настоящих октябрьских мальчиков.

На углу одной большой улицы они увидели зеленый автомобиль. Мотор молчал, колеса стояли спокойно, и шофер спал у руля. А у заднего колеса сидел на корточках какой-то малыш.

— Может быть, это октябрьский мальчик? — сказал незнакомый. — Подойдем поближе.

Но как только они подошли поближе, оба закричали сразу:

— Что ты делаешь?!

Малыш улыбнулся и прошептал:

— Тише... Я втыкаю гвоздик в шину. Видите, воздух выходит: пш-ш-ш... Теперь автомобиль будет хромать. Вот интересно!

— Безобразие! — закричал незнакомый и побежал будить шофера.

А веселенький мальчик схватил малыша за руку, и они сейчас же подрались.

— Беда мне с вами! — огорчился незнакомый. — Вы совсем не октябрьские мальчики. — И он пошел дальше искать настоящих октябрьских мальчиков.

— Нет, мы октябрьские, октябрьские! — закричали малыши. — Мы родились в октябре, у нас были октябрины, мы уже октябрята. У нас на рубашках красные звезды, у нас в руках красные флажки, мы умеем маршировать и петь. — И зашагали за ним.

— Вон сидит на окне какой-то ребенок, — сказал незнакомый. — Может быть, это октябрьский мальчик?

— Не может быть, — засмеялись мальчики. — Это девчонка!

— Ну так что ж, что девчонка? — сказал незнакомый. — Посмотрим, что она делает. — И он поднялся на цыпочки, чтобы лучше видеть.

А девочка сидела на окне и делала сразу два дела: обдирала краску с подоконника и кушала свои ногти.

— Фу, — сказал незнакомый, — как невкусно! — И поскорее пошел прочь. — Уж конечно она не октябрьская.

— Нет, я октябрьская, октябрьская! — запищала девочка. — Я родилась в октябре, у меня были октябрины, я уже октябренок... — И она выпрыгнула в окно, чтоб получить подарок.

— Ой-ой, горе мне с вами! — закричал незнакомый и побежал поскорее дальше. А ребята за ним.

Светофор сердился и мигал красным глазом, милиционеры свистели, автомобили лаяли, как собаки, а незнакомый несся, как ветер, и ребята за ним.

Они бежали бы без конца, если бы не кончилась улица. А там, где улица кончалась, начинался длинный забор, и на нем было написано:

„ОКТЯБРЬСКИЙ САД“.

— Уфф! — вздохнул незнакомый и сразу остановился. — Что это за сад?

Веселенький мальчик сейчас же влез на забор и увидел много ребят. Они маршировали и пели, у них на платьях красовались красные звезды, у них в руках развевались красные флажки, они все были октябрята.

— Отлично, — сказал незнакомый. — Вот это, наверное, настоящие октябрьские мальчики.

— По виду они самые обыкновенные, — сказал веселенький мальчик. — А почему они октябрьские?

— А вот увидим, — сказал незнакомый, и они вошли в сад.

Малыш сейчас же наступил на хвост ящерице, девочка засунула в рот все десять пальцев, а веселенький мальчик подумал:

„Ну-ка, ну-ка, а что они будут делать с иностранной землей и чужими камешками?“

— Эй, эй! — закричал незнакомый. — Кто хочет получить подарки со всего света?

Октябрьские мальчики сбежались со всех дорожек и присели вокруг чемодана.

— Я ездил по разным странам, — сказал незнакомый, — и

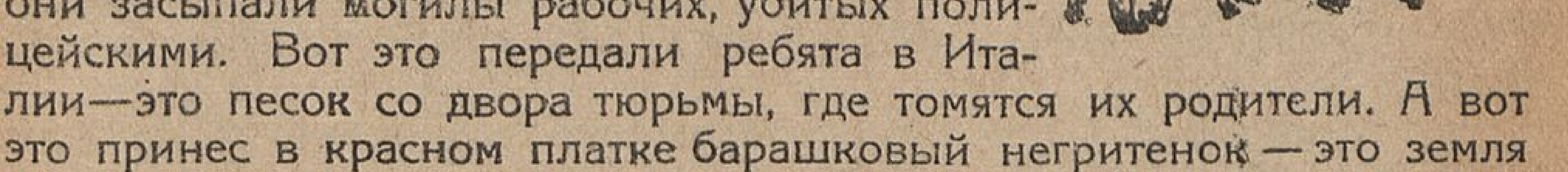

везде, где я был, ко мне приходили ребята и говорили: „Передай это октябрьским мальчикам“. Вот! — И он открыл свой чемодан.

— А почему они послали эти камешки, эту землю нам,—потрогали ребята в чемодане.— Что ли они особенные?

— Вот это мне дали мальчики в Америке,—сказал незнакомый, — этими камнями они разбили окна в доме хозяина фабрики, когда он уволил с работы их отцов. А это мне дали маленькие китайцы—этой землей они засыпали могилы рабочих, убитых полицейскими. Вот это передали ребята в Ита-

лии—это песок со двора тюрьмы, где томятся их родители. А вот это принес в красном платке барашковый негритенок — это земля с каучукового поля, где он сам работает с утра до ночи... Вот!

Октябрьские мальчики все подбежали, и каждый взял горсть земли и в руку несколько камешков. И сейчас же стали строить, играть, не толкались, не дрались, не бросали друг в друга камнями и не сыпали землю на головы — они складывали вместе камни и засыпали разной землей и притаптывали ногами и пришлепывали руками. И веселый мальчик тоже, потому что он был все-таки октябрьский мальчик.

— Что это вы делаете? — спрашивал незнакомый.

И одни отвечали: — Баррикаду.

А другие говорили: — Пристань.

А третьи сказали:—Город.

Незнакомый удивлялся:

— Против кого эта баррикада?

— Эта баррикада против всех врагов: против тех, кто оставляет без работы американских рабочих, кто убивает китайских кули, кто держит в тюрьме итальянских бедняков, кто посылает маленьких негров работать в поле. Против тех, кто не хочет работать, кто для себя одного хочет хорошей жизни, у кого жадные руки и ленивые ноги и в сердце труха, как у куклы...

Незнакомый интересовался:

— Для чего эта пристань?

— Эта пристань, чтобы могли к нам приехать все, кто хочет с нами дружить.

Вот здесь мы поставим маяк с красным флагом. Пусть пристают к нам корабли со всех морей, приплывают матросы и рыбаки и путешественники со всего света...

Незнакомый хотел догадаться.

— Что это за город?

— Это новый город,—отвечали октябрьские мальчики. —Здесь будут жить новые люди. Помоги нам, у нас большая работа, нам еще надо сделать все, что хочется...

— А что вам хочется?

— Мы хотим провести дороги везде, соединить каналами реки, перенести море на другое место, растопить льды на севере, полить свежим дождем пустыню, долететь до звезды, покататься на львах...

— Интересно! — закричал незнакомый. — Вы хотите переделать всю землю. Вот вы какие!—И сейчас же сильно огорчился: — Ах, отчего я не октябрьский мальчик?

— Ну, так что же, что ты уже не мальчик?—сказали октябрьские мальчики. —Ты тоже можешь с нами играть.

И они приняли его в свою игру.

Он очень обрадовался, сделал им из китайской глины свисток и сказал:

— Когда этот свисток немножко подсохнет, в него можно будет подуть. Его услышат и мальчики в Америке, и маленькие китайцы, и ребята в Италии, и барашковый негритенок, и все ребята на свете. Услышат, улыбнутся и скажут про себя: — Ага!

Вы не верите?

Честное пионерское, все это правда. Я вижу отсюда и баррикаду, и пристань, и новый город.

Ни силой, ни хитростью враги не могут взять эту баррикаду. Тысячи кораблей бросают якоря у этой пристани, и в новом городе растут новые люди. Старая земля переделывается, и это слышно на всем свете.

Я верю, что они сделают все, что им хочется. Потому что ведь это настоящие октябрьские мальчики: они все октябрята, у них на платьях красные звезды, а в руках красные флажки, они умеют маршировать и петь, и строить баррикады против врагов и пристани для друзей, и переделывать по-новому всю большую землю.

В. Смирнова

ДРАЗНИЛКИ,

чтобы дразнить школьников,
когда они опаздывают на уроки

1

Школьник, школьник, что так рано
ты спешишь сегодня в класс?
Ты всегда приходишь в девять,
а теперь десятый час.

2

Вот лентяй
и лежебока:
прогулял он
три урока,
на четвертый
опоздал,
пятый
где-то пропадал,
на шестом
мешал учиться,
на седьмом
ходил лечиться,
на восьмом
играл в футбол,
на девятый
не пришел.

С. Маршак

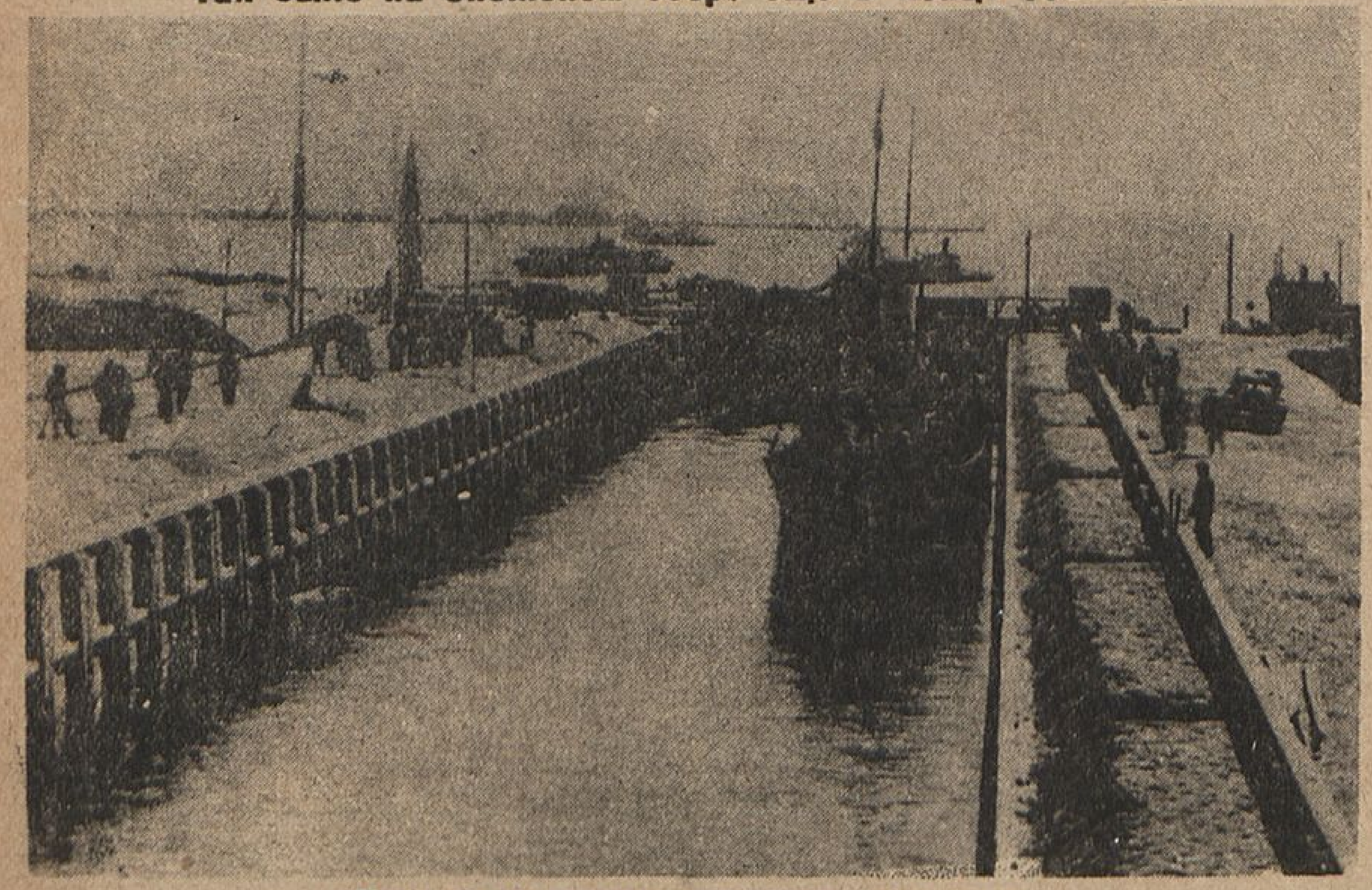
Открыт величайший в мире

Беломорско-Балтийский канал имени тов. Сталина

Он соединяет Балтийское и Белое моря. Длина канала—227 километров.

Так было на Онежском озере еще в конце 1931 года.

Так стало через двадцать месяцев.

Раньше путь Балтийского моря в Белое был через океан, и суда проходили его за 16—17 суток, теперь по каналу четверо суток пути.

РАССКАЗЫ ПРО БЕЗРАБОТНЫХ В АМЕРИКЕ

I. Слезоточивые бомбы

В американском городе Детройте есть 26 автомобильных заводов. Заводчика зовут Генри Форд.

Один раз детройтовские безработные пошли к заводам Форда. Они несли знамена с лозунгами: „Довольно голодать! Мы требуем работы!" Впереди шли коммунисты. Было очень холодно. Дул ветер. На многих не было пальто; обувь была рваная.

Они шли переговорить с главным директором: чтобы принял обратно уволенных, чтобы выдал пособие.

Но заводские ворота были заперты. Перед воротами стояли полицейские в синих куртках. У каждого на боку висела сумка; в сумках были бомбы.

А директор стоял на мосту и смотрел издалека в бинокль.

Полицейские закричали: „Назад! Вон отсюда!" и вдруг бросили бомбы.

Из бомб стал ползти желтый газ. Он полз на безработных и съедал им глаза, потому что эти бомбы были слезоточивые.

Тогда рабочие побежали к воротам с закрытыми глазами.

Но фордовские пожарные направили на них пожарные насосы. Струи были большие, морозные, острые. Они били рабочих в лицо и по

Голодный поход на Вашингтон. Полицейские с газовыми бомбами и приспособлениями для их метания „встречают" первые отряды похода.

ушам, они опрокидывали их на землю.

Некоторые остановились.

Тогда из толпы выбежала безработная девушка — Мэри Госсман. На ней был старый коричневый свитер. Голова была залита водой. Она закричала:

— Трусы! Чего вы испугались? Вперед!

Безработные бросились за ней в ворота. Возле нее бежал организатор комсомола.

Ворота вдруг открылись. За воротами стояли полицейские и целились из винтовок.

Комсомолец упал. Его убила полицейская пуля.

II. Суп из вареной собаки

В городе Нью-Йорке был такой случай.

Жена безработного механика Джима Прайса варила в кухне суп на газовой плитке.

Дети стояли кругом и ждали.

Младший мальчик Гарри прыгал и пел:

— Сегодня будет обед! Сегодня будет мясо к обеду!

Но мать варила и вздыхала.

В это время пришел служащий из газового предприятия. Он сказал:

— Меня прислали выключить газ, потому что у вас не оплачен газовый счет.

Но из кастрюли на плитке так сильно пахло, что служащий вдруг спросил:

— Что это у вас так дурно пахнет?

Тогда жена механика подняла крышку и сказала:

— Я варю свою собаку, потому что мне больше совсем нечего варить. Мой муж два года безработный. Вот мои дети. Им нужно есть.

Служащий испугался. Он помолчал и сказал:

— Я подожду до завтра. Может быть, вы оплатите счет.

III. Плакат на груди

Но безработным нечем оплачивать счета. Пришлось служащему притти еще раз и выключить газ в квартире у Джима Прайса.

Каждое утро Джим Прайс говорил своей жене:

— Пойду наведаться на консервный завод, к заводчику Барку — не нужен ли ему механик.

Или так:

— Пойду справиться на пуговичной фабрике, у фабриканта Кливтона — не найдется ли у него работы.

Но работы нигде не было.

Тогда Джим Прайс надел на грудь плакат и пошел по улице. На плакате было написано крупными буквами: „Механик".

С ним вместе пошли двадцать два безработных. У каждого висел на груди плакат: „Повар", „Возчик", „Маляр", „Пожарный", „Носильщик"...

На шапке у каждого была большая цифра: „1 доллар". Это значит: берусь за 1 доллар работать поваром, или грузчиком, или маляром. Но даже за самую дешевую плату работы нигде не было.

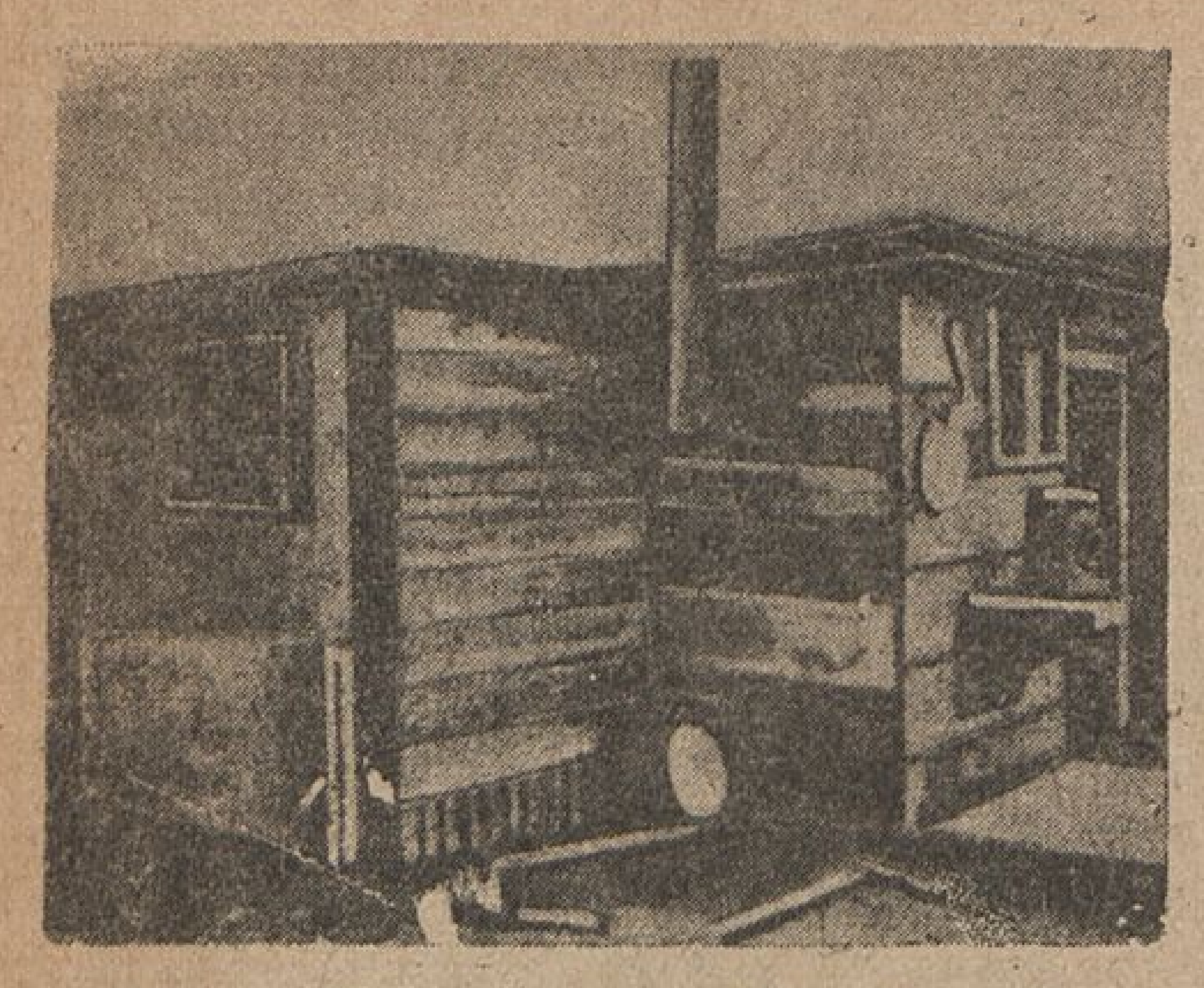

Шествие безработных в Нью-Йорке.

Один раз Джим Прайс вернулся домой. Жена поджидала его и закричала: „Читай!"

На столе лежала бумажка от домовладельца: к такому-то дню выезжайте из квартиры за невзнос квартирной платы.

Тогда Джим Прайс вдруг стукнул кулаком по столу. Пустая тарелка подпрыгнула. Он сорвал с живота плакат, он швырнул на пол шапку и закричал:

„Жилище“ американского безработного.

— Коммунисты правы! Надо вступать в партию! Не реви! В Эс-Эс-Эс-Эр рабочие давно отобрали дома у частников. И у нас так будет.

IV. Квартира из бисквитных ящиков

Пришлось семье безработного механика Джима Прайса переселиться на пустырь за городом в самодельный шалаш.

Пришлось старшему сыну, Тому, продавать газеты и бросить учебу.

А когда средний сын, Фред, пришел в школу, то его стали дразнить:

— Живет в хибарке, на свалке! Живет возле свалки, в дырявой хибарке!

Но дети других безработных сказали:

— Расскажи про свой дом.

Тогда Фред рассказал:

— Отец и Том сколотили шалаш из бочек, из ящиков из-под бисквитов. А я и мама заткнули щели мокрой бумагой. Бумага забила щели, как пробкой. Мы сшили матрацы из старых газет, и двери у нас рогожные.

Другой мальчик, Франк, говорил:

— А мы живем в яме, — очень удобно, сверху прикрыто старым железом. Мой отец — столяр, но он безработный. Он болен. Он говорит: „Должно быть, я никогда больше не получу работы. Я помру в этой проклятой яме“

Американские безработные у своего „жилища“.

Был еще один мальчик, Майкл Грин. Он рассказывал не всем, а только самым лучшим товарищам:

— На помойке возле ресторанов всегда можно что-нибудь найти. Один раз я нашел кусок омара — недоеденную клешню.

Обитатели поселка безработных в Ист-Сайде (квартал Нью-Йорка) возле своей хибарки.

А мальчик Руби был сын безработной прачки. Он сказал Фреду:

— Пойдем со мной после школы. Я тебе покажу местечко, где можно набрать углей и досок на топливо.

У Руби не была отца. Отец его был слесарь, но один раз он участвовал в голодном походе безработных, полицейские забрали его в тюрьму.

Руби говорил шопотом:

— Мой отец — коммунист. И я, когда вырасту, буду коммунистом. А ты?

V. Чистая рубашка

Школьники проходили пустырем мимо шалашика из жестяных кусочков. У шалашика безработный шофер Дэвид стоял на ветру без рубашки. Его рубаха кипятилась в большой банке из-под консервов. Он подбрасывал щепки под банку.

Дэвид Пирсон закричал:

— Здорово, ребятишки! Подходите ближе.

А когда они подошли, он сказал:

— Завтра, парнишки, советский праздник — Октябрьской революции. Вот это, хлопчики, страна! Там нет ни одного фабрикан-

та. Рабочие строят фабрики и заводы для самих себя и сами себя нанимают на работу. Ничего, пареньки, и у нас так будет!

Потом он похлопал себя руками, для того чтобы согреться, и стал рассказывать:

— Был такой случай. Я служил шофером у банкира. В это время в Москве умер Ленин. В день похорон я вез банкира на заседание в пригород. Везу, а сам смотрю на часовой браслет. Четыре часа — стоп!

Останавливаю машину в чистом поле. Вылезаю. Снимаю шапку. Стою.

Банкир испугался и кричит: „Пирсон, вы с ума сошли? Четыре часа. Я опоздаю!“

Молчу. Стою без шапки на морозе. Банкир бесится.

Прошло пять минут. Сел я, ребятки, обратно за свой руль. Надел свою шапку. Кончено.

Немного проехали. Я обернулся к банкиру и сказал: „В Москве опустили в могилу тело Ленина“

Дэвид Пирсон осторожно перевернул рубаху в банке чистой щепкой и покачал головой:

— Жаль, мыла нет.

Потом он проехал рукой враз всем мальчикам по головам, рассмеялся и сказал:

— Хочу к советскому празднику надеть чистую рубаху.

Анна Гринберг

ТРИ ВОРОБЬЯ

(песенка)

Три воробья
забрались на картинки,
три воробья
на солнце греют спинки,
три воробья...
Вот этот пострел,
драчун и забияка.
Куда б он ни поспел,
уж тут наверно драка —
вот этот пострел...
Вон тот, с хохолком,
веселый пустомеля,
он треплет язычком
подряд хоть три недели —
вон тот, с хохолком.

А тут, на краю,
уселась их сестренка.
На песенку мою
она хохочет звонко —
вон та, на краю...
Но — раз! два! три! —
и смылись воробьята...

Смотри, смотри, смотри:
тут все свои ребята —
раз, два, три...
Вот этот пострел,
драчун и забияка.
Куда б он ни поспел,
уж тут наверно драка —
вот этот пострел...

Вон тот, с хохолком,
веселый пустомеля,
он треплет язычком
подряд хоть три недели —
вон тот, с хохолком.

А тут, на краю,
уселась их сестренка.
На песенку мою
она хохочет звонко —
вон та, на краю...
Но — раз! два! три! —
и скрылись все ребята.
Смотри, смотри, смотри:
Опять тут воробьята!
Раз, два, три...
И опять начни сначала.

Натан Венгров

ВЕТЕР

Дрогнул розовый горошек,
на террасу заглянул...
Ветер волосы ерошит,
парусину натянул.
Мы ногами застучали,
мы на ветер закричали:
— Ты, пожалуйста, уйди,
нашу кашу не студи.
Ты, пожалуйста, не дуй
на горячую еду!
Мы не станем пить такое
ледяное молоко...
... А уж ветер за рекою
за Окою — далеко.
Он нам издали кивает,
туго щеки надувает,
крутит желтые листы,
треплет за косы кусты.
Тронул рожь — она струнтся,
тронул парус — лодка мчится,
и за речкой, за селом,
машет мельница крылом.

Едет поезд, а за ним
ветер носит белый дым.
Он и тут накуролесил:
по деревьям дым развесил,
дым придумал посушить,
пассажиров насмешить.
Ну, а сам схватил одну
телеграфную струну,
а потом другую, третью,
и запел веселый ветер,
заиграл на всех ладах
в телеграфных проводах.
...Ходит ветер за рекою
за Окою — далеко...
Ой, горячее какое
оказалось молоко!
Ветра нет, какая жалость!
Ни за что ему досталось!
Вот, сиди теперь и дуй
на горячую еду.

Е. Благинина

ГАНС ХРИСТИАН
АНДЕРСЕН

ПЯТЕРО ИЗ ОДНОГО СТРУЧКА

(сказка)

В одном стручке сидело пять горошин.

Сидели они рядком, тесно прижавшись друг к другу, и были очень довольны своим помещением: днем у них было светло, ночью темно, тихо, уютно — все как следует.

Сами они были зеленые, стручок зеленый, и думали они, что весь мир зеленый (это вполне понятно).

Под солнышком и дождем стручок все рос да рос и становился прозрачнее и чище, горошины тоже росли и все надувались и надувались, — ведь надо же было им что-нибудь делать!

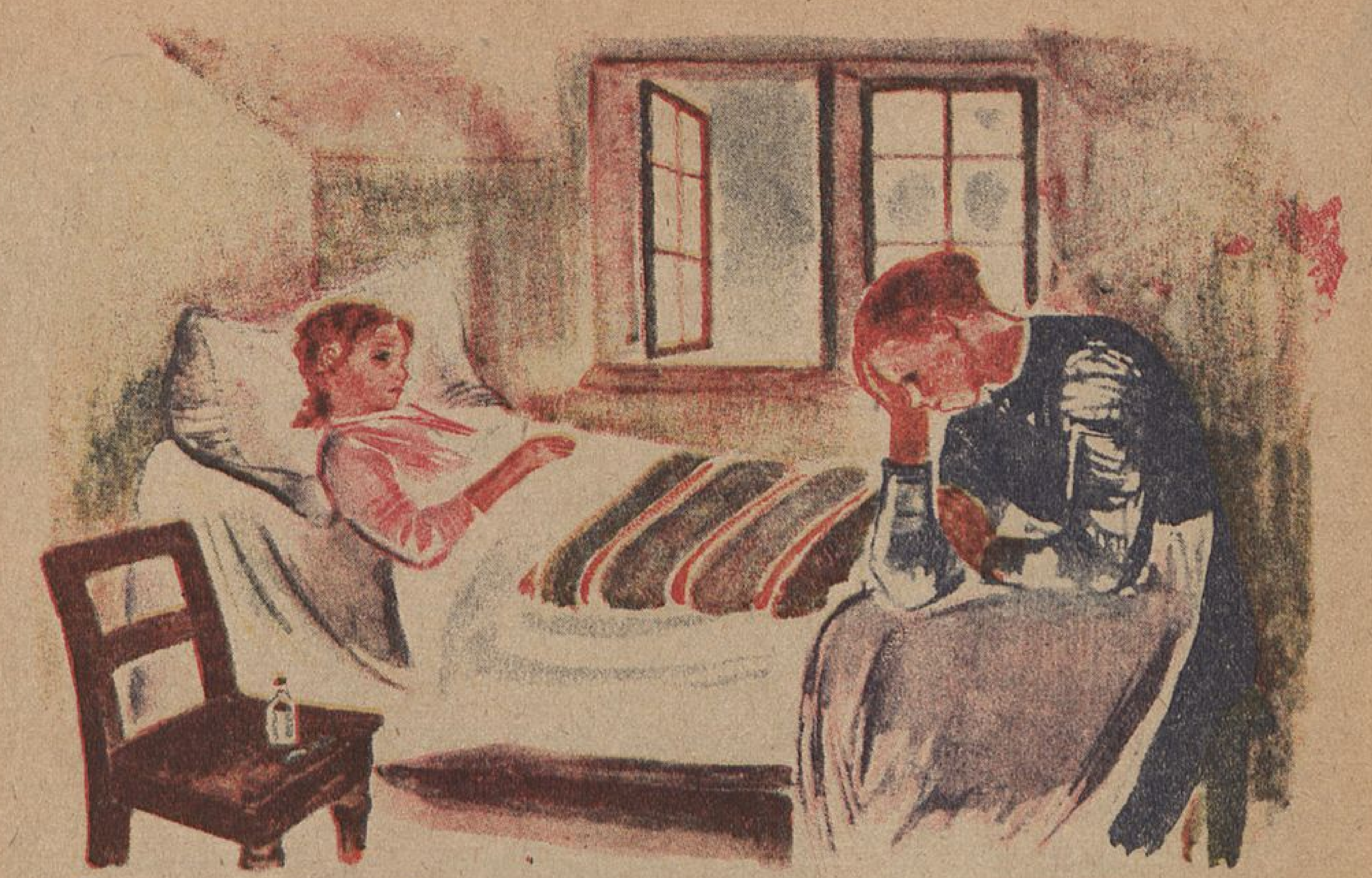
Однако, как ни хорошо было дома, все же иногда хотелось горошинам чего-нибудь другого.

— Уж очень мы долго сидим тут, — сказала раз одна горошина. — Так ведь и затвердеть можно. Что же в этом хорошего? А главное, думаю я, что за нашим домом что-то еще есть... Наверное, есть.

Прошла неделя. Горошины пожелтели, пожелтел и стручок.

— Ну, весь мир становится желтым, — говорили горошины.

Вдруг — сильный толчок: человеческая рука сорвала стручок и сунула его в карман.

— Ну, теперь мы скоро выйдем на волю, — говорили горошины и громко радовались.

— Интересно знать, кто из нас пойдет дальше всех, — сказала самая маленькая.

— Будь, что будет, — сказала самая крупная.

Кррак!..

Стручок лопнул, и горошины весело покатились на ладонь мальчика.

— Чудесные горошины, — сказал мальчик, — как раз для моего бузинного ружья.

Он положил одну горошину и дунул: она вылетела.

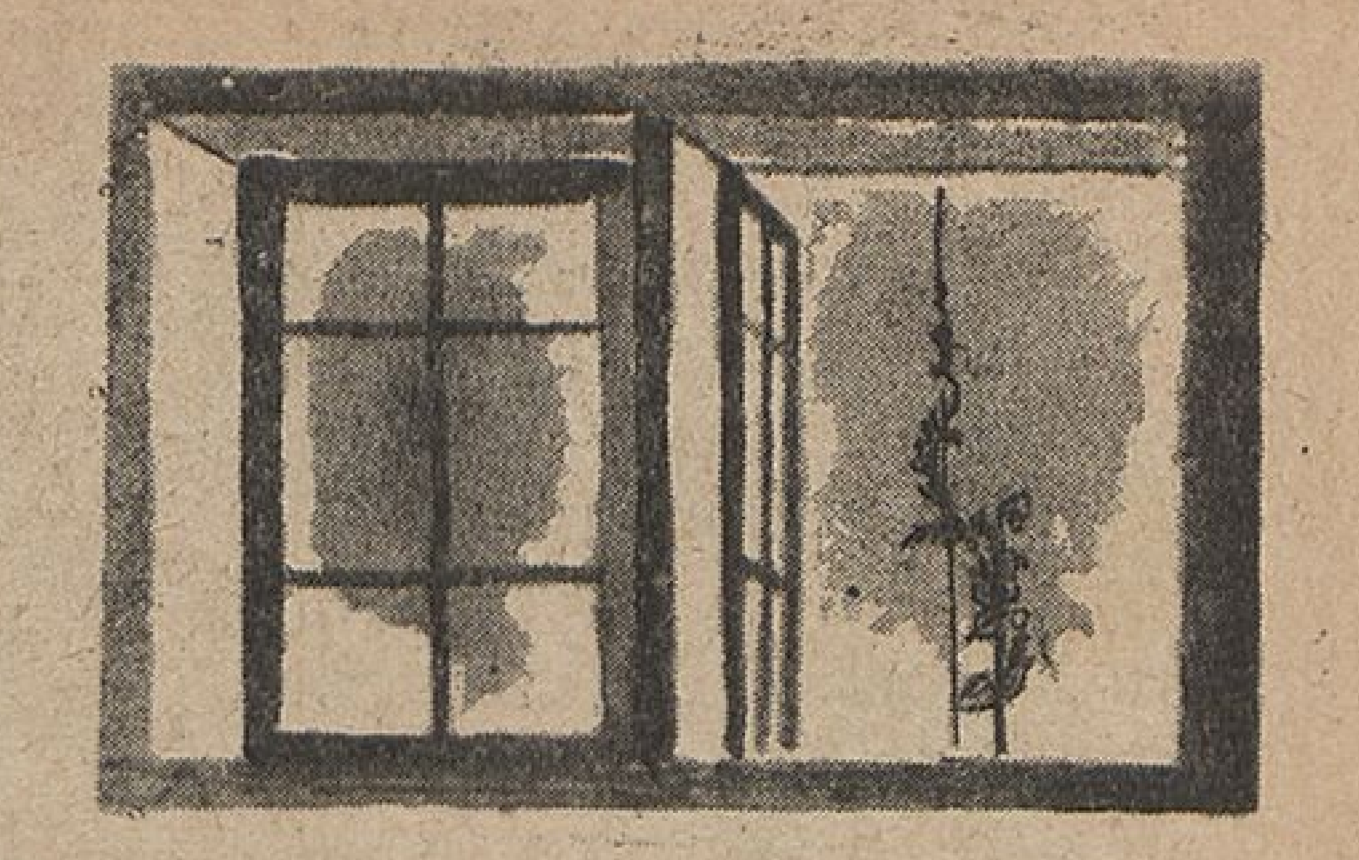
— Лечу, лечу! — закричала она. — Поймай, кто может. — И она исчезла.

Полетела и вторая. Она кричала:

— Я лечу прямо на солнце! Это как раз мне нравится.

— А мы постараемся упасть где-нибудь недалеко и заснуть, — сказали две старшие, вылетая из ружья.

— Будь, что будет, — твердила последняя, взлетая кверху. Она попала на крышу старого деревянного дома и закатилась в щель, полную мягкой черной земли и мха.

На чердаке жила женщина с маленькой больной девочкой. Она ходила на поденную работу и тяжелым трудом еле-еле зарабатывала на пропитание себе и дочери.

Девочка была худенькая, слабенькая, нежная, как цветок. Она была так больна, что не могла ходить и целые дни неподвижно лежала в постели.

„Умрет она, — думала мать, — уйдет от меня, как ее сестра... Только и было у меня две дочки; одной уже нет, не станет скоро и другой... А как тяжело расставаться!..“ И она горько плакала, глядя на бледное личико своей девочки.

Настала весна. Веселое и ласковое солнышко заглянуло и в каморку под крышей.

Девочка загляделась на его лучи.

— Мама, что это там, за окном, зеленое? — спросила она мать.

Мать открыла окно и увидала слабые стебельки какого-то растения.

— Да это, должно быть, горошек, — ответила она. — Верно, как-нибудь горошинка попала сюда и пустила ростки. Вот у тебя и садик.

И она подвинула кроватку поближе к окну, чтобы девочка могла любоваться нежным растеньицем, и ушла на работу.

— Мама, — говорила девочка вечером, — мне кажется, я начинаю выздоравливать. Сегодня целый день солнышко грело и меня, и горошек. Посмотри, какой он свежий и зеленый, — вот и я поправлюсь.

— Хорошо бы, — сказала мать, но в душе не верила такому счастью.

Чтобы сберечь горошек от ветра, она подперла его маленькой палочкой и протянула от нее до крыши тоненькую веревочку, чтобы стебелек мог виться по ней.

Так и вышло: горошек рос, цепляясь своими побегами за веревочку, поднимался все выше и выше; скоро распустился и цветок.

Целые дни девочка любовалась горошком и стала заметно поправляться: ее щечки порозовели, глазки стали блестеть, и она без посторонней помощи стала подниматься и сидеть на постели. У матери появилась надежда...

Прошла еще неделя, и девочка встала. С какой радостью распахнула она окно и как нежно поцеловала тонкие лепестки бледно-розового цветочка!.. Целый час просидела она у окна, греясь на солнышке, — какое это было удовольствие!

Ну, а что же сталось с другими горошинками?

Первая, которая летела, куда хотела, попала в водосточную трубу, а оттуда — в зоб голубя. Голуби съели и те две горошины, которые мечтали где-нибудь уснуть хорошенько. Что же, они не пропали даром.

А та, которая хотела взлететь на солнце, попала в канаву и преспокойно лежала там в тине, бухла от сырости.

— Как я однако толстею, — говорила она. — Все больше и больше... Право, я, кажется, скоро лопну... До этого конечно не дошла ни одна горошинка, я вполне уверена. Я самая замечательная из всех пяти...

И канава вполне соглашалась с этим.

А у окна чердачной каморки стояла маленькая девочка, румяная и здоровая.

Она протягивала ручки к солнцу и блестящими глазами весело смотрела на свет.

Ку-ку

Уже конец урока,
уже десятый час.
Открылась дверь широко —
вошел Сережа в класс.
Почему же,
отчего же
опоздал на час
Сережа?

— Мы в трамвае ехали, собаку переехали. От испуга бледная, собака лает, бедная, и вокруг все бледные и все рыдают, бедные. Но я рукою твердой беру иголок дюжину и пришиваю морду и хвост туда, где нужно. Собака, оживая, встает из-под трамвая. „Мерси, говорит, жива я...“

Он расскажет
сто историй,
он найдет
пятьсот причин.
— Я, во-первых,
болен корью,
во-вторых,
я зуб лечил,
в-третьих,
умер я, ребята,
а в-четвертых,
вру не я:
у меня во рту
запрятан
аппаратик
для вранья.
Я не врать бы
очень рад —
врет
противный
аппарат.

Как Сережу отучать?
Положить на рот печать? суп
Ключ приделать к языку?
Нет! Кричать ему:
Ку-ку!..

— Была в трамвае давка. Я кролика везу. Я сижу на лавке, а он сидит внизу. Ехали мы, ехали, охали мы, эхали — наконец приехали, я и двадцать кроликов...

— Как?
— Сколько?

—Я и двадцать кроликов. Я сел у площади Свердлова. Он один был, честное слово. Пока доехал до вокзала, их гораздо больше стало. Поглядел я под скамейку, вижу целую семейку. Все друг на друга похожи, все с хвостами на боку...

Хором класс
кричит Сереже:
— Ой, ку-ку,
ку-ку!
— Я не мог явиться
к сроку:
помогал я рыбаку.
Я удил в реке сороку.
— Ой, ку-ку,
ку-ку!
— У меня живет
жирафа,
тянет морду
к потолку.
Я кормлю ее
со шкафа...
— Ой, ку-ку,
ку-ку!
— Я тонул...
— Ку-ку,
ку-ку!

— Что придрались
к пустяку?
Ну, проспал я
на боку.
. . . .
Ах, вот это
не „ку-ку“.

А. Барто

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ?

1. Может ли рыба чихать?

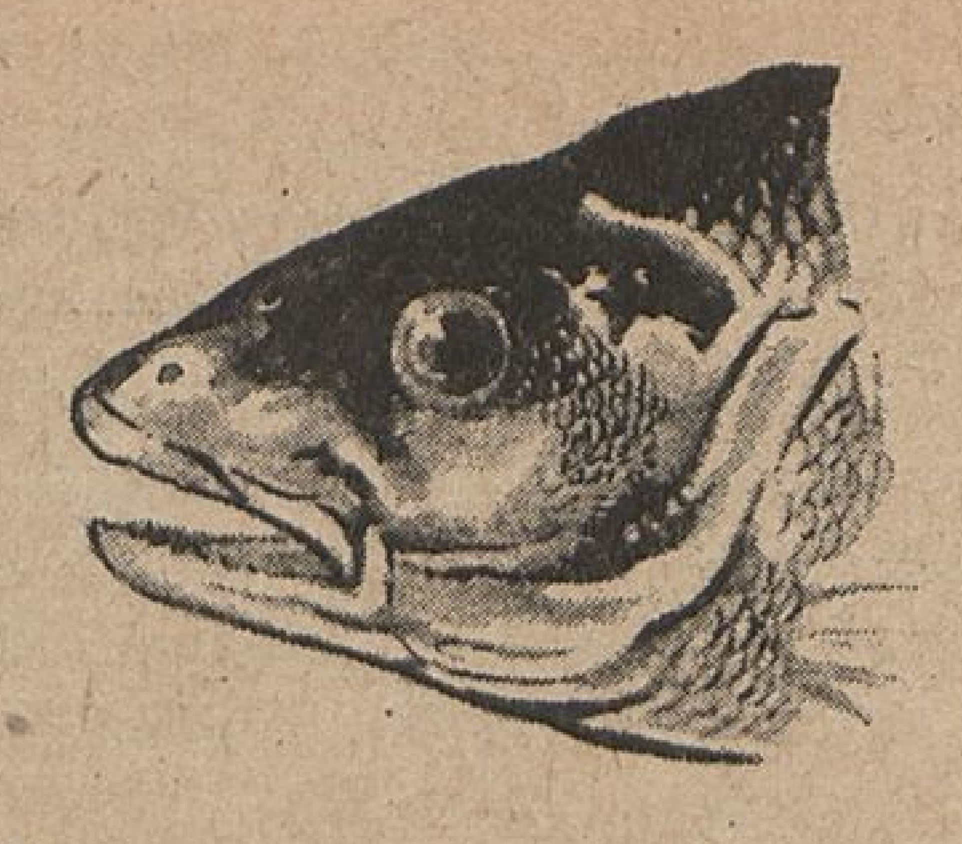
Нет, не может, — нечем. У рыбы нет ноздрей. На том месте, где у нас сквозные ноздри, у нее неглубокая ямка. Ну, а ямкой не чихнешь.

2. Зевают ли жуки?

Нет, не зевают. Причина проста — у них нет легких. Жуки дышат не ртом или носом, а через маленькие отверстия на боках тела. Эти отверстия ведут в тоненькие трубочки (трахеи), по которым воздух и проникает в тело жука.

3. Что случится с лягушкой, если она не сможет закрыть рта?

Когда лягушка дышит, рот у нее всегда закрыт. Через ноздри она набирает в рот воздух. А потом словно его проглатывает. С открытым ртом воздух не проглотишь, дышать тогда лягушка не сможет. Она задохнется и умрет.

4. Кто построил первый водолазный колокол?

Водяной паук. Он плетет под водой колпак из паутины. Под этот колокол-колпак он натаскивает воздух; воздух застревает в волосках, покрывающих тело этого паука. В своем колоколе паук сидит и дышит под водой обычным воздухом. Когда воздух истратится на дыхание паука, то паук возобновляет свой воздушный запас.

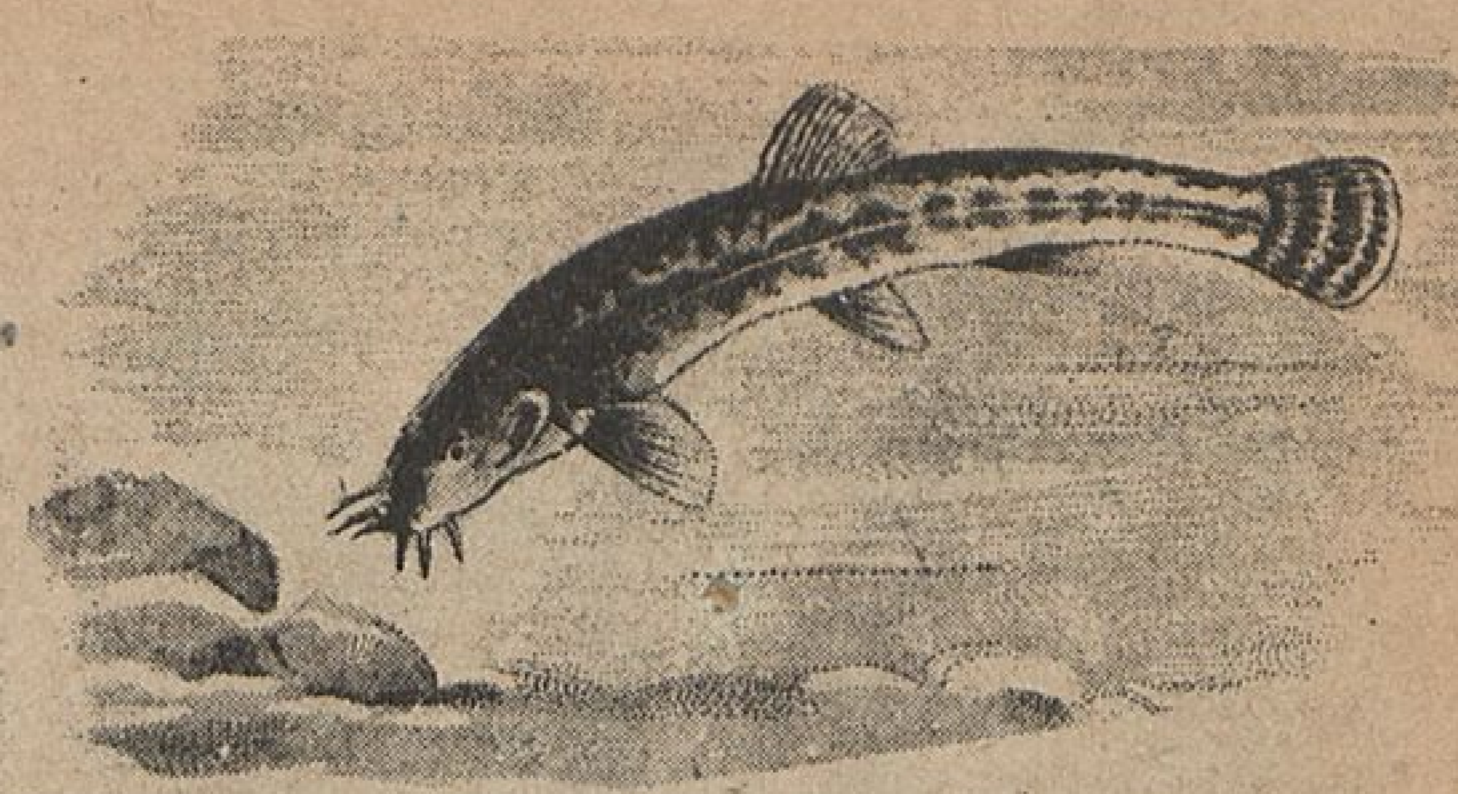
5. Почему земляной червяк прячется от солнца?

Земляной червяк дышит просто кожей. Кожа его влажная, слизистая. Только через влажную кожу и можно дышать. Если кожа земляного червя подсохнет, то червяк дышать ею не сможет. На солнце кожа сохнет. Там, где сухо, там, где светит солнце, земляным червям дышать трудно — они задыхаются.

6. Чем дышит вьюн?

Вьюн — рыба. Обычно рыбы дышат жабрами. У вьюна они совсем

маленькие. Держится вьюн на дне, но часто всплывает на поверхность воды. Здесь он заглатывает наружный воздух. Вскоре можно увидеть, как из заднепроходного отверстия вьюна выделяются пузырьки воздуха. Оказывается, что вьюн дышит не только жабрами. У него дыхание происходит отчасти и в кишке.

7. Что ест моль, которая летает по комнатам?

Ничего она не ест. Летает по комнате бабочка-моль. Бабочки питаются соком от цветов. Они сосут его при помощи длинного хоботка. А у моли этот хоботок такой коротенький, что словно его и нет совсем. Да и какие цветы в комнатах! Ест шерсть и шерстяные вещи не сама бабочка-моль, а ее гусеница—маленький червячок.

8. Как дышит цыпленок в яйце?

Скорлупа яйца не сплошная, а пористая. В ней есть крохотные отверстия. Через эти поры в яйцо проникает воздух. Если яйцо покрыть лаком, то воздух в него не проникнет. Сколько ни будет сидеть наседка на таком яйце, цыпленка из него не выведется. Зародыш задохнется и погибнет.

Н. Плавильщиков.

ПОМНИТЕ, РЕБЯТА, ЭТИХ ДВУХ ВЕСЕЛЫХ МАЛЬЧИКОВ?

Много ребят прислали нам свои догадки, о чем договорились эти мальчики.

А. ЛИТОВЧЕНКО, из Каменского сельсовета, Карагандинской области, решил, что ребята договорились записаться добровольцами в РККА.

Шура ЛИХОМАНОВ написал, что, наверное, они „решили построить аероплан" (только пишется **„аэроплан"**, а не **„аероплан"**).

Валя РУДАКОВ, с Украины, догадался, что ребята договорились вступить в Осоавиахим.

Зина и Сема ПОЛУХИНЫ, из Мясновского колхоза под Тулой, пишут, что ребята договорились стать защитниками СССР.

Томочка РАКОВСКАЯ, из Коканды, догадалась, что ребята договорились выписывать журнал „СССР на стройке".

И еще много, много ответов прислали нам ребята.

Все догадались правильно, но не совсем.

А совсем правильно так: ребята договорились стать настоящими октябрьскими мальчиками. А настоящие октябрьские мальчики должны быть готовы стать красноармейцами, должны быть защитниками СССР, должны знать все про СССР и другие страны, должны уметь даже аэроплан построить. И еще многому, многому они должны научиться, много, много должны знать и уметь, чтоб стать настоящими октябрьскими мальчиками... Главное,—должны быть веселыми, здоровыми ребятами.

Про настоящих октябрьских мальчиков прочитайте, ребята, в этом номере.

ЛАГЕРЬ ОКТЯБРЯТ

Мы, октябрята 2-го звена 3-го отряда, были с 15 июня по 15 июля в лагере.

В лагере нас кормили очень хорошо. Мы занимались физкультурой, играми, купались, загорали.

Мы все хорошо поправились и хорошо загорели.

Ученик нулевой группы Витя Цепилев

НА ПОСЕВНОЙ

Мне семь лет, я живу в немецкой колонии, в колхозе имени Тельмана. Я во время посевной тоже принимал участие: ездил на степь с Яшей Бергин, возил воду тракторам и обед трактористам.

Валя Перов

СОБИРАЕМ ЗОЛУ

Наша школа № 1 собрала 80 пудов золы, на каждого ученика по два фунта всего. Нас всех 40 душ. Выполнили, получили награду — каждому по тетради.

Виталий Якименко

Золы собрали кучу!
Пудов чуть-чуть не сто!
А подсчитай получше —
Получится не то!

Сорок ребят собрали по два фунта каждый, — значит всего было собрано 80 фунтов, а не 80 пудов.

Ку-ку

ПОПРОСИМ ПИСАТЕЛЯ

Мне желательно, чтобы написал А. С. Серафимович какой-нибудь рассказик. Всем хочется почитать, кто выписывает „Мурзилку“, потому что мы живем в городе имени Серафимовича.

Нина Колокольцева.

Редакция вместе с Ниной Колокольцевой просит товарища Серафимовича написать рассказ для ребят.

КТО ПРАВИЛЬНО РАЗГАДАЛ ЗАГАДКИ?

Те, кто думали вначале,
А потом уж отвечали:

Нина Колокольцева
Эльвина Коуба
Таня Сыромятникова
Вера Шумяна
Тока Глухих
Иван Соловьев
и много других ребят

А в следующем номере читайте письмо летчика Боброва — ответ на ваши письма: „Какие будут аэропланы“

В этом номере нехватило места.

РЕДАКЦИЯ.

Ответств. редактор **Н. Венгров.** Оформление **Веретенников В.**

Москва. МГ № 4078. Сдача оригиналов 15/VII. Подп. к печ. 14/VIII. 2 печ. листа. Колич. зн. 68.640. Статформат Б—7×1 90

Уполном. Главлита № Б—32078. 2-я тип. изд-ва ЦК ВКП (б) „Правда“. Москва, Сущев. вал, 49. Зак. 1256. Тир. 100.300.

КАКОЙ УРОД ИЗ КОФЕЙНИКА ПЬЕТ?

Адрес редакции журн. „Мурзилка": Москва, Центр, Новая площадь, дом 6/8. Издательство „Молодая гвардия". Тел. 56-77